

Скорбная страница.

Корреспондент „В. К.“ сообщает из Нью-Йорка, что там 12 апреля с. г. умер казак Донского Войска М. М. Наземичев (Скальдов), б. нотариус в г. Новочеркасске, б. член Донского Войскового Круга.

Умер еще один казак — проповедник казачьего идеала. — не увидев торжества своей идеи — возрождения Свободного, Вольного Казачества, вдали от родной земли.

Да будет легка земля ему на далеком Непом Свете.

† И. Я. Кислов.

24 апреля 1929 года, в час дня, скончался В. Търновской Русской больнице от скоротечного туберкулеза

наш дорогой казак, Иван Яковлевич Кислов. Родился он в станице Константиновской Д. О. в 1897 году. Мичман Балт-флота.

Станица Алексеевская потеряла любимого члена станицы, донского казака Ивана Яковлевича Кислова.

Часто слышали мы его слова о Вильном Тихом Доне. Но неумолимая смерть схватила его в молодости, унесла глубоко в сырую землю, все слова и мечты его за Вольный Тихий Дон остались нам воспоминанием.

Спи, дорогой казак.

Когда вернемся на Тихий Дон, соберемся казачьей семьей и вспомним твою мечту.

Вечная память, дорогой Ваня.

23 IV 1929 г. Гор. Ореховицы.

Алексеевской Станичный Атаман И. Васильев.

В Казачьих Землях.

С Кубани.

... Получил от сестры отчаянное письмо: сыну отказали в апелляции, а следовательно бескровно ушривили, а с ним и их, ибо старики уже не могут работать и нет надежды, что невестка удвжится, т. к. она жена своего мужа. Следовательно, тоже преступница, да и что когда и молодые не могут работать, а таких тысячи тысяч и стон стоит над землей нашей... вся жизнь моя только в переписке, поэтому я и не поехал на зиму к теще, которая так неожиданно остыла, да и вообще там, в станице, с давних пор, климат для меня стал очень „вреден“.

Между прочим, не могу не пожаловаться на проклятый холод, который уж не знаю откуда идет: от вас ли к нам, или от нас к вам: подумайте. — 22-го апреля снег целый день валит и два дня морозы были

здоровые; говорят, садоводы волосы себе рвали на голове: косточковые фрукты все погибли и виноград очень пострадал.

Вообще судьба бьет нас всячески, может быть за подлое отношение к религии, которую стараются забыть всячески: в этом году школы всякого рода будут праздновать майские торжества на Страстной неделе, а в воскресенье на первый день Пасхи будут заниматься; вероятно ластавят и торговцев торговать, а государственные магазины уже конечно, положим частных у нас почти уже совсем не стало. Запрещена выпечка пасхального теста в кондитерских и продажа красок для яиц, а зато будет вестись усиленная антирелигиозная пропаганда и эти дни; ну, а за грехи нечестивых страдают и другие, как это было в древней еврейской истории...

Библиография.

Шолохов. Тихий Дон, книга II. Роман.

В номере 28 „В. К.“ я говорил о первой книге этого романа из жизни донских казаков и, положительно отзываясь о ней, в конце заметки выражал опасение, как бы автор во второй книге, в описаниях событий 1917—18 годов не преподнес обезличивающих книгу тенденциозных освещений.

С удовольствием признаюсь, что в своих ожиданиях я ошибся.

И вторая книга Тихого Дона насыщена достоинствами и также читается с неослабевающим интересом. Автор и в этой книге старается, и в большинстве случаев с успехом, верно осветить события тех дней, вернее и точнее передать душевные переживания своих героев-казаков-фронтовиков, стариков и казачьих общественных деятелей и офицеров.

Этим Шолохов лишний раз выявляет себя как настоящий художник. Он, видимо, изрядно покопался в архивных документах, так как многие места романа несут подлинными воспроизведениями документов, вплоть до дат, нумераций, даже карты-схемы движения Крымского корпуса к Петрограду.

В романе выведены все более или менее видные деятели Дона того времени со своими подлинными делами и словами.

Приятнее всего то, что Шолохов с нескрываемой любовью, тщательно и верно рисует картины казачьего быта и, так-же, как и в первой книге, хорошо выдерживает казачий говор.

Почти каждый донец, герой Шолоховского романа, казак или офицер, по своему горит любовью к своему Дону, считая только его своей родиной и презренье, недоверие и опасение к Москве, к мужикам — в их словах.

Со многих строк, из под умелого пера автора тонко, но упорно веет национальный, донской самостийный дух:

... „все же это (казачество) — маленькая, обособленная нация, по традиции воинственная, а не то что какой либо фабричный или мужицкий сброд“ — думает ес. Листацкий.

... „ти пойми то, што нам казакам нужна своя власть, а не чьяе, а с мужиками нам не по дороге, — гусь свиные ие товарищ!“ — говорит казак Урюпин.

Советские офицеры 14 полка, прибывшего в Петроград для защиты Временного Правительства закаливаются песней старой казачьей песни:

„Но и горь наш Дон, Тихий Дон, наш баткышка — Бесурманину он не кланялся, у Москвы как жить не спрашивался“...

... „Я до чортиков люблю Дон, весь этот старый, веками складывавшийся уклад казачьей жизни. Люблю казаков своих, казачек — всё люблю!.. От запаха степного полынья мне хочется плакать“ — говорит ес. Атарциков после этой песни.

... „Я не мыслю самостоятельного и обособленного существования одной Донской области. На основах федерации, т. е. объединения, мы будем жить совместно с Кубанью, Терекком и горами Кавказа...“

... прежде всего избавимся от политической опеки, восстановим свои уничтоженные русскими царями порядки, выслем всех пришлых иногородних. Земля эта — наша, кровью наших предков полита, костями их удобрена, а мы, покоренные Россией, четыреста лет защищали ее интересы и не думали о себе. Нам не нужно ни тех ни других. Нам необходимо свое, и прежде всего избавление от всех опекунов — будь то Корнилов, или Керенский, или Ленин“ — говорит Изварин.

Подобных мест в романе много.

С шестю художественной точки зрения к плюсам нужно отнести и обилие невазатсканных слов и оригинальных оборотов речи. Даже описание природы у него читается с охотой, с удовольствием.

Есть, по моему, один недостаток у Шолохова. Это — слишком без нужды откровенное сквернословие в некоторых местах; этим он кладет в бочку меда ложку дегтю.

Казакам прочесть эту книгу необходимо; много острых воспоминаний дает она.

Будем ждать от автора третьей книги, надеясь, что и она также будет интересна для нас — казаков. Только напрасно автор Каледана и Назарова называет „нагазными“ атаманами.

С. Балыков.